

На равнинах Венгрии

Наш первый рубеж в Венгрии был с трех сторон окаймлен реками. Впереди — Тиса, слева и справа — устья впадающих в нее Самоша и Тура.

Стремительная Тиса как бы дважды пробегает по венгерской земле. У устья Самоша она круто поворачивает на север, к району, где сходятся границы Венгрии, СССР и Чехословакии, и оттуда возвращается обратно на юг, вернее на юго-запад.

В обширную долину, образуемую «двумя» Тисами, и вступили наши батальоны. Нам предстояло наступать дальше на запад. А для этого нужно было прежде всего переправиться через реку Самош. Ни мостов, ни переправочных средств не было. Но на помощь пришли местные рыбаки. Каждый, у кого сохранились лодки, спешил предложить их советским воинам.

Вспоминая о той поре, я прихожу к мысли, что в дни, когда началось избавление Венгрии от фашистского ига, крепла и братская дружба между советским и венгерским народами, зародившаяся еще в 1919 г., в период Венгерской Советской Республики. Правда, это происходило в трудных и сложных условиях войны, когда венграм, желавшим помочь Советской Армии в освобождении их родины, грозили беспощадной карой предатели своего народа — хортисты и нплашисты. Сказывалось и влияние многолетней фашистской пропаганды, не скупившейся на клевету по адресу советского народа и его армии. Вот почему в первые дни часть венгров относилась к нам несколько настороженно.

Помню такой случай.

Как-то вечером, сразу же после вступления на территорию Венгрии, появилась возможность несколько часов отдохнуть. Командант штаба проводил меня к одному из домов в ближайшем селе. Во дворе встретил хозяин, человек лет под пятьдесят.

Смотрел он на нас с явным страхом. Угрюмо открыл дверь и удалился, так и не произнеся ни слова...

На рассвете меня разбудил ординарец. Появились и адъютант с переводчиком. Войдя в переднюю, я увидел хозяина дома и... не узнал его. Радостно улыбаясь, он пригласил нас к завтраку. За столом я заинтересовался причинами такой перемены и услышал небезынтересный рассказ.

Хозяин дома оказался местным учителем. Ему были известны приказы фашистского командования от 24 и 25 октября, из которых первый объявлял всеобщую мобилизацию граждан обоого пола от 12 до 70 лет, а второй предписывал жителям левобережья Тисы покинуть свои дома и под страхом сурового наказания уйти вместе с отступающими войсками на правый берег. Одновременно населению внушалось, что тем, кто все же останется, грозит-де отправка «в Сибирь, в специальные колонии, обнесенные колючей проволокой, для перевоспитания в большевиков» и что «советские чекисты поголовно истребляют пленных и мирных жителей».

— Эти запугивания сделали свое дело, — продолжал учитель. — Как видите, даже я, человек образованный и демократически настроенный, поддался им. Недавно я принял на себя обязанности старосты и вместе с большинством жителей села остался здесь. Мы решили, что лучше умереть в родных местах, чем уходить куда-то в неизвестность. И вот вчера, когда вы заняли эти места, я с ужасом ждал... Сам не знаю чего. Во всяком случае, чего-то очень плохого. Не спал всю ночь. И представьте, — улыбулся он, — ни один из ваших солдат не сделал никому в селе плохого. Наоборот, к нам относятся с уважением. И мы все поняли, что пришли наши освободители.

На прощанье учитель поднес нам хлеб-соль и сказал:

— Прошу принять от меня этот символ того, что недалек день, когда мы, венгры, и вы, советские люди, будем по-братски все делить пополам.

Много друзей приобрели мы уже на этом первом нашем рубеже в Венгрии. Местное население видело, что советские воины пришли как освободители, и оказывало нам всевозможное содействие. В частности, большим подспорьем были лодки, предоставленные рыбаками. Жители прибрежных сел помогли нам соорудить и плоты.

Благодаря этому мы еще 28 октября, сразу же после подхода сменявших нас частей 54-го укрепрайона, начали переправу через реку Самош и на ее левом берегу вновь вошли в соприкосновение с противником, откатывавшимся на запад. Громя его арьергарды, батальоны укрепрайона быстро удалялись от Тисы, бегущей на север, и на следующий день приблизились... к ней же, но теперь уже там, где она стремится на юг.

Выйдя в район Захонь-Саполчверешмарт, мы попытались форсировать Тису с ходу, на плечах только что отступивших на про-

твояположный берег вражеских войск. Но этому помешал сильный огонь, который вела по переправе артиллерия противника. Батальоны начали закрепляться на достигнутом рубеже.

Сосредоточив на правобережье крупные силы, фашисты оказывали отчаянное сопротивление наступающим советским войскам. В тот же день, когда не увенчалась успехом наша первая попытка форсировать Тису, несколько севернее вражеской пехоте при поддержке танков даже удалось вытеснить из Чопа 138-ю стрелковую дивизию соседнего 4-го Украинского фронта, овладевшую было этим городом с ходу.

Противник спешно укреплял правый берег Тисы. Здесь была первая полоса обширной оборонительной системы, создававшейся на территории Венгрии по приказу гитлеровского командования, которое стремилось во что бы то ни стало удержать эту страну в своих руках.

Командование 40-й армии приняло решение не позволить врагу укрепиться на правом берегу. 30 октября я получил следующий приказ: «Прочно удерживая занятый рубеж, форсировать реку Тису и захватить плацдарм на противоположном берегу. . .»¹

За рекой оборонялись части немецкой 82-й и венгерской 16-й пехотных дивизий, насчитывавшие 2160 солдат и офицеров. На вооружении у них было 54 пулемета, 36 артиллерийских орудий и столько же минометов. Мы же имели 3640 воинов, 279 пулеметов, 70 орудий и 49 минометов. Таким образом, соотношение сил и средств соответственно равнялось 1:1,7, 1:5, 1:2, 1:1,4 в нашу пользу. Но зато части противника были усилены 20 танками и самоходными артиллерийскими установками.

Задачу чрезвычайно осложняли характер местности и условия переправы.

Надо сказать, что Тиса, ширина которой в этом районе колеблется от 150 до 200 м, — глубокая и быстрая река с крутыми, обвалованными берегами и каменистым, усеянным валунами дном. Высоты на правом, гористом берегу давали врагу возможность решительно препятствовать нашим действиям по форсированию реки.

Ни бродов, ни переправ не оказалось, мосты противник уничтожил и предусмотрительно угнал даже рыбацьи лодки. А инженерный батальон со специальными переправочными средствами мог подойти лишь через несколько дней. Успех же зависел от внезапности, решительности, быстроты действий.

Многолюдные собрания, в том числе партийные и комсомольские, провести нельзя было по условиям боевой службы. Поэтому в связи с предстоящей операцией партийный актив организовал в подразделениях беседы. Как правило, речь шла о том, что при-

¹ Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 330, лл. 140—141.

мером для нас являются герои форсирования Днестра. Бойцы заявляли, что с честью выполняют приказ о захвате плацдарма на правом берегу Тисы. Добровольцев-охотников первыми идти на форсирование оказалось больше, чем нужно было¹.

Немедленно начали изготавливать из так называемого подручного материала плоты. Устраивали поплавки, закупорив и связав тросами пустые железные бочки из-под бензина. Помогли и местные жители, которые нашли две спрятанные лодки и предоставили их в наше распоряжение.

В ночь на 2 ноября начали переправу передовые подразделения 496, 494, 361 (при содействии 20-го) и 493-го пулеметно-артиллерийских батальонов. 500-й оставался в резерве, а 491-й взаимодействовал на правом фланге с соседом — частями 17-го гвардейского корпуса, также предпринимавшими попытки форсировать Тису.

Основную задачу предстояло выполнить 361-му батальону на переправе Коморо—Уйтания. Ему была обеспечена соответствующая помощь артиллерии, саперного взвода, резерва и всех свободных средств и сил укрепленного района. Действия на остальных направлениях (Тисабездед—Фельдвар, Тужер—Земиленагард, Ференцы—Ревлеанвар) были лишь маскировкой, имевшей целью ввести противника в заблуждение, рассредоточить его внимание и силы. В то же время в случае успеха они должны были стать основными при захвате плацдарма и его расширении, а также последующем выходе частей на железную дорогу Чоп—Шаторьяуйхей.

361-м батальоном тогда временно командовал старший лейтенант Анатолий Иванович Синьков, молодой, волевой офицер. Приготовив в районе Коморо три роты и вооружив солдат вместо тяжелого пехотного оружия (минометов, станковых пулеметов, орудий) легким — карабинами, автоматами, ручными гранатами, он выделил для захвата кромки противоположного берега специально отобранную группу коммунистов и комсомольцев, которую возглавил испытанный в боях лейтенант Вашляев. В нее вошли командир взвода младший лейтенант Шилов, сержанты Карпенко и Зиганшин, телефонист Чугунов и еще несколько бойцов.

Над рекой висел густой туман. Постепенно он скрыл от нас лодку с горсткой смельчаков, плывших навстречу неизвестности. Теперь с наблюдательного пункта виден был лишь трос, который они тянули за собой. Один конец его был закреплен на этом берегу. В случае успеха группы Вашляева трос должен был сослужить нам хорошую службу при переправе на плотках.

Наступили тревожные минуты: заметит противник лодку или нет? И вот, наконец, первое донесение Вашляева по связи: бла-

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 345881, д. 1, л. 22.

гополучно высадился на заданном участке, у песчаной отмели, прикрытой крупным обрывом, который делал ее мертвым пространством для огня противника.

Синьков тотчас же направил туда всю роту Вашляева на плотах, заблаговременно сложенных из бревен, балок, дверей и ворот, которые были добыты бойцами с помощью местных жителей. Тяжело нагруженные плоты плохо держались на воде. Их сполсило быстрое течение. Но выручал трос. Борясь с высокой волной, бойцы на плотах постепенно исчезали в тумане. Начала грузиться еще одна рота.

Вдруг тишину ночи разорвал автоматный и пулеметный огонь. Это начала действовать на правом берегу рота Вашляева. Незамеченная противником, она атаковала его позиции, захватила часть первой траншеи. Беспорядочно забухали орудия немцев. В это время на плотах уже переправлялась третья рота.

Река покрылась фонтанами от разрыва снарядов. Открыла огонь и наша артиллерия. Его корректировали наблюдатели — артиллеристы, переправившиеся с ротой Вашляева.

Начали поступать донесения о сражении на правом берегу, в районе Уйтания. Наши бойцы продвигались вперед. Ими уже были захвачены два орудия и несколько лодок, которые нам весьмагодились. На них тут же начали переброску вооружения, вплоть до легких артиллерийских орудий, а также переброску второго троса. Наличие лодок ускорило и начавшуюся сборку наплавного моста из плотов (на поплавах).

Бой разгорался. В наших руках уже были вся первая и часть второй траншеи противника. При поддержке артиллерийского, минометного и пулеметного огня с левого берега две роты, переправившиеся первыми, к 5 часам утра овладели небольшим плацдармом до 500 метров по фронту и 300 — в глубину, захватив 32 пленных.

К рассвету на правом берегу сражался уже весь 361-й батальон. Левее его форсировала реку рота 493-го батальона, которым командовал опытный и осмотрительный майор Виктор Михайлович Григорьев. Все контратаки, предпринимавшиеся противником в течение ночи, а также на следующий день силами от батальона до двух полков при поддержке артиллерии и минометов, были успешно отбиты.

Захваченный нами плацдарм в районе Уйтания был расширен вправо в ночь на 3 ноября, когда форсировал реку 494-й батальон под командованием капитана Владимира Сергеевича Богоявленского. Прибывшие к тому времени армейские саперы основательно укрепили наплавной мост, появилась возможность усилить гарнизон плацдарма и артиллерией. Это было сделано вовремя, так как вступили в бой танки и самоходные орудия противника.

Ничто не могло остановить наших наступающих воинов. Метр за метром отвоевывали мы у врага. Вымокшие в ледяной воде,

А. И. СИНЬКОВ

бойцы с ходу карабкались по крутому берегу, бросались в рукопашные схватки, штыком, гранатой и огнем из автоматов и пистолетов выбивали фашистов из траншей и огневых точек.

Даже когда гитлеровцы бросили в контратаку свою пехоту вместе с десятью танками, им не удалось отеснить наши подразделения. Командир расчета противотанковой пушки старший сержант Мальков подпустил танки на близкую дистанцию и огнем прямой наводки последовательно уничтожил три из них, а остальные повернули обратно¹.

Вплоть до 6 ноября включительно враг продолжал упорные попытки ликвидировать плацдарм в районе Уйтания и сбросить нас в реку. Отражая его ожесточенные атаки, советские воины проявили высокие образцы героизма, самопожертвования. Мужественно и стойко защищала свой участок и нанесла противнику большой урон рота 493-го батальона, находившаяся несколько на отшибе. Многие ее солдаты и офицеры пали смертью храбрых. Был убит и командир роты коммунист Горбунов. Но оставшиеся в строю отбили все атаки врага.

В эти же дни мы завершили в ходе боев перегруппировку и, выдвинув на правый берег также 496-й и 500-й батальоны, были готовы нанести фашистам новый удар.

Наступило утро 7 ноября. Наш великий праздник мы отметили новым сильным ударом по врагу. Еще на рассвете 494-й,

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, л. 155.

496-й и 500-й батальоны при поддержке артиллерии с левого берега атаковали противника в направлении Ревлеаньвар, Орхед, Пербеник, Хиреш, взаимодействуя на правом фланге с 17-м гвардейским стрелковым корпусом, продолжавшим бои за г. Чоп.

Прорвать всю вражескую оборону не удалось. Но, овладев окраинами Ордогошход, Уйтания и насыпью вдоль правого берега Тисы, мы значительно расширили плацдарм и улучшили свои позиции.

Это сделало безрезультатными дальнейшие контратаки фашистов. Впрочем, бои продолжали носить чрезвычайно ожесточенный характер. Отдельные районы плацдарма по нескольку раз переходили из рук в руки, но в конце концов оставались за нами.

Часто судьбу того или иного участка решали рукопашные схватки, в которых советские воины, как правило, одерживали победу.

Вот несколько незабываемых примеров.

Атакуя насыпь, взвод Колыжибаева попал под сильный артиллерийский огонь. Смелым броском вперед командир вывел бойцов из-под обстрела. Схватившись врукопашную с противником, взвод обеспечил всей роте возможность захватить насыпь.

Так же смело действовала рота 496-го батальона. Когда она захватила перекресток дорог за Ревлеаньваром, враг попытался остановить ее артиллерийским огнем. Старший сержант Елифанов со своим отделением незаметно, по-пластунски подобрался к позициям гитлеровцев. За ним совершила смелый бросок и вся рота. Она выбила противника из траншеи и в рукопашной схватке уничтожила 11 и взяла в плен 23 вражеских солдата, захватив также два тяжелых и два легких пулемета.

В другом бою был выведен из строя огневой расчет нашего орудия, выдвинутого на прямую наводку. Фашисты попытались захватить орудие, но их опередил солдат Рябусов. Бросившись к орудью, он в упор шрапнелью расстрелял приближавшихся врагов.

Героически действовал рядовой Шалагин, оставшийся один у 76-мм орудия. Все его товарищи во главе с командиром были ранены. Но Шалагин не растерялся. Один управляясь с орудием, он бил по врагу прямой наводкой до тех пор, пока атака не была отбита.

Не имея достаточных собственных сил для самостоятельного прорыва обороны противника на всю глубину и выхода на железную дорогу Чоп—Шаторальяуйхей, батальоны укрепленного района продолжали удерживать плацдарм. Непрерывно улучшая его позиции и выжидая успеха действовавшего справа 17-го гвардейского корпуса, мы вели ожесточенные бои, длившиеся непрерывно 22 дня и 22 ночи. В этой битве пали смертью героев десятки наших воинов, и в их числе лейтенанты Вашляев и Шепилов.

21 ноября 2-я гвардейская воздушнодесантная дивизия, сменившая 138-ю на левом фланге 17-го корпуса, смогла, наконец, овладеть восточной окраиной Чопа. А 23 ноября весь этот корпус вновь перешел в наступление.

В тот же день, взаимодействуя с правым соседом — 4-м гвардейским воздушнодесантным полком, 491-й пулеметно-артиллерийский батальон форсировал Тису и выбил противника из Шаламонова и Матияшова. Усиленный затем резервом укрепленного района, он 25 ноября овладел Черна, Малым и Великим Тракани и Фельдваром.

Плацдарм был сохрaнен. Все усилия противника сбросить пас в реку оказались безрезультатными.

Здесь, перед сильно укрепленной полосой противника вблизи венгерско-чехословацкой границы, наступление 17-го корпуса приостановилось. Наше командование приняло решение штурмовать вражескую оборону силами укрепленного района.

В ночь на 26 ноября удалось незаметно разминировать проходы в заграждениях. После трехминутного мощного артиллерийско-минометного налета батальоны пошли в атаку в общем направлении на г. Шаторальяуйхей. 361-й и 491-й батальоны прорвали приграничную линию обороны и в упорном бою овладели Земиленагардом, Ламоцем, а затем Пербеником и Хиреш, пленив несколько подразделений противника. 500-й батальон взял Мониху, Чене и Лацу, 20-й — Ревлеаньвар, Семен и Киш-Развадь, 491-й во взаимодействии с 4-м гвардейским полком — Бачку, Бель, Добру и Краль-Хлумец, 493-й — станции Земленриче и Риче.

Таким образом, железная дорога Чоп—Шаторальяуйхей оказалась перерезанной, и батальоны укрепленного района создали угрозу выхода в тыл противника. Это, а также возобновившееся решительное наступление 17-го корпуса, заставило вражеские войска быстро отступить за р. Бодрог¹.

Следует отметить, что к этому времени нами было взято много трофеев, в том числе 5 орудий, 9 минометов, 16 тяжелых и 17 легких пулеметов, 687 винтовок и автоматов, два склада боеприпасов и несколько складов с другим военным имуществом. Число пленных достигло 732, причем среди них было много немецких солдат и офицеров².

Что касается венгров, то они, не желая воевать против Советской Армии, сдавались уже не только в одиночку, но и группами. От них мы узнали о дальнейшем росте антифашистских и антивоенных настроений в частях венгерской армии. Как рассказали, например, старшина Имре Плахи и сержант Янош Паня, 26 ноября, после начала нашего нового наступления, солдаты их

¹ См.: Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, л. 168.

² Архив МО СССР, ф. 395, оп. 9136, д. 333, лл. 34—37.

роты договорились, что, как только стемнеет, они незаметно разбегутся по лесам, а потом сдадутся в плен русским. Так и сделали¹.

Противник откатывался за р. Бодрог. Частям укрепленного района была поставлена задача выйти на эту реку к исходу 29 ноября. Но, стремительно преследуя отступавших фашистов, мы уже к вечеру 27 ноября заняли левый берег от устья р. Латорицы до Бодрогсег. Справа к Бодрогу вышел 4-й гвардейский полк, а слева (на следующий день) — румынская 8-я кавалерийская дивизия.

Бодрог — сравнительно небольшая река. Ее ширина от 60 до 100 м и глубина — от 2 до 5 м. Но и здесь высокий правый берег, а левый — заболочен и изрезан осушительными каналами и водостоками. Все это делало Бодрог серьезной преградой, особенно в осеннюю пору. К западу от нее, в пяти-шести километрах, стоит г. Шаторальяуйхей — окружной центр, крупный узел железнодорожных, шоссеиных и грунтовых дорог. Обладание им позволяло фашистам свободно маневрировать резервами и поддерживать непрерывную связь со своими кошицкой и мишколцской группировками.

Поэтому немецкое командование прилагало большие усилия к тому, чтобы удержать Шаторальяуйхей, и превратило его в важный узел сопротивления.

Первая позиция, состоявшая из развитой системы траншей, окопов, ходов сообщения и дерево-земляных блокаузов, проходила непосредственно по правому берегу Бодрога. Все мосты и переправы были уничтожены, а участки, пригодные для форсирования, сильно заминированы. Река и подходы к ней находились под огнем противника.

Вторая позиция с такими же инженерными сооружениями была расположена в двух-трех километрах за первой, вдоль шоссе Цейков—Борша. Здесь высоты и селения были превращены в опорные пункты. Наконец, третья позиция окаймляла непосредственно город с севера, востока и юга. Флангами она упиралась в доминирующие над ним с запада высоты 246 и 510, поросшие лесом и имевшие самостоятельную мощную оборонительную позицию с долговременными фортификационными сооружениями.

Для обороны реки, подступов к ней и города гитлеровское командование пополнило сильно поредевшие части 10-й и 16-й пехотных венгерских дивизий подразделениями из 4-й немецкой горнострелковой дивизии, находившейся в резерве.

Из этого видно, насколько сложными были дальнейшие наступательные действия частей укрепрайона в данном районе. Их успеху в большой степени способствовала 4-я рота 494-го ба-

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, лл. 193—230.

тальона, о действиях которой в эти дни следует рассказать более подробно.

Несмотря на интенсивный огонь противника, рота под командованием коммуниста лейтенанта Хмырова еще 26 ноября, преследуя отступавшего противника, с ходу перешла на правый берег. Первыми выскочили из лодки комсомольцы сержант Николайчук и рядовой Зелинский. Зацепившись за клочок суши, они открыли пулеметный огонь и уничтожили большую группу солдат противника. Тем временем под прикрытием огня из пулемета быстро высадилась на берег вся рота. Заняв небольшой участок площадью 150 × 150 м, она вскоре расширила его почти втрое и закрепилась на нем.

К утру вражеские атаки усилились.

Особенно яростными были они на правом фланге. В неравном бою был смертельно ранен командир оборонявшегося здесь взвода лейтенант Андрей Пастушко. Один за другим выходили из строя и бойцы. К вечеру натиск фашистов отражали лишь два пулеметчика — комсомольцы Павленко и Плаксин. Однако отважные воины не дрогнули.

Плаксин, например, не растерялся и тогда, когда вдруг откатил его пулемет. Быстро осмотрев его, он увидел, что пулемет забило песком. Одной минуты хватило солдату, чтобы спуститься к реке и промыть оружие. И вот уже Плаксин снова рядом с Павленко разит врага. Пулеметным огнем и гранатами они в конце концов отбили все атаки гитлеровцев.

38 часов непрерывно вела бой на плацдарме рота лейтенанта Хмырова против превосходящих вражеских сил, которым так и не удалось ни сбросить ее в реку, ни уничтожить¹.

К этому времени под сильным артиллерийским и минометным огнем противника начали переправу остальные роты 494-го батальона. Используя уже захваченный небольшой плацдарм, они к утру 29 ноября увеличили его до километра по берегу реки и до 1,5 км в глубину.

Бой продолжался и в последующие дни, причем батальон при поддержке мощного артиллерийского и минометного огня с левого берега несколько раз отбрасывал наседавших фашистов с большими для них потерями. Не помогла врагу и его артиллерия, хотя она и выпустила по гарнизону плацдарма более трех тысяч снарядов. Наши воины успели устроить укрытие, да и артиллерия укрепленного района оказала им действенную поддержку с левого берега.

Развивая успех 494-го батальона, к исходу 30 ноября форсировал реку в районе Земплин и 491-й пулеметно-артиллерийский батальон совместно с частями 2-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. Это позволило саперам в ночь на 1 декабря навести на-

¹ Там же, лл. 195—220.

плавной мост, по которому тогда же на правый берег вышли 500-й и 493-й батальоны. Противник, не прекращавший яростных атак и терявший при этом каждый раз сотни убитых, откатывался назад.

Говоря об ожесточенном характере боя за эту реку, необходимо вновь подчеркнуть, что активно действовали против нас главным образом немецко-фашистские части, а также нилашисты. Большинство же венгерских солдат, как заявляли пленные, не сделало ни одного выстрела.

Кстати, число сдавшихся в плен венгров здесь значительно возросло. Из разговоров с ними выяснилось, что, будучи мобилизованными в армию, они лишь делали вид, что подчиняются своим немецким командирам, да и то потому, что в противном случае им грозила расправа. Даже многие офицеры долго уклонялись от присяги новому «вождю нации» Салаши. Тогда были изданы приказы, согласно которым «денежное довольствие получает тот, кто дал подпись, что присягал Салаши, а «кто не присягал Салаши, с тем будет поступлено как с предателем...»

Только таким путем нилашисты заставили офицерский состав присягнуть марионеточному правительству. Чтобы «укрепить дух» личного состава, в подразделениях было объявлено о том, будто «у немцев есть новое оружие и сильные резервы, которые будут использованы в соответствующий момент и дадут новый поворот войне в пользу немцев».

Но и это не оказало воздействия. В распоряжении немецко-фашистского командования осталось лишь одно средство поддержания дисциплины в венгерских войсках: наказание за малейшую провинность.

Что же касается попыток перехода на сторону Советской Армии, то они карались смертью. Так, в дни боев за р. Бодрог в г. Шаторальяуйхей были повешены лейтенант Дьюла Ковач и трое солдат из его взвода, сговорившиеся сдать в плен, но преданные одним из нилашистов.

И все же число не желавших воевать на стороне фашистов неуклонно росло. Дело дошло до того, что даже унтер-офицеров опасались посылать в разведку, так как они пользовались этим для сдачи в плен. Так поступили, например, фельдфебели Миклош Дорин и Чонтони из 10-го пехотного полка.

Пленные рассказали и о том, что немецкое командование лишило венгерские части самого необходимого, в том числе теплого обмундирования. Солдаты мерзли, росло число больных. В результате больших потерь ни одно подразделение не имело полного состава. Одни части пополнялись остатками других, но и после этого оставались малочисленными. Например, 3-й батальон того же 10-го полка насчитывал всего 140 человек. Лишь в последние дни прибыло пополнение, состоявшее из молодежи допризывного возраста.

Все это говорило нам, что надежды гитлеровского командования на активную поддержку венгерского народа и его армии в битве за Венгрию потерпели крах. Фашисты могли теперь рассчитывать лишь на свои собственные силы, которых, впрочем, у них было еще немало. Это подтвердили, в частности, и бои на правом берегу Бодрога.

К ночи на 2 декабря туда переправились уже все батальоны 159-го укрепленного района. В ходе сражения за Бодрог нами была захвачена первая позиция обороны противника. Сохраняя уже сложившийся боевой порядок концентрического наступления, мы без паузы атаковали и вторую позицию и в результате решительных действий шести батальонов (361-й был в резерве) прорвали ее.

Наибольший успех выпал на долю 491-го батальона. Стремительным броском он овладел высотой 216 и, двигаясь дальше на запад, взял Малую Бару, Великую Бару и высоту 281, перерезал железную дорогу Шаторальяуйхей—Кошице и ворвался в 16 часов на северную окраину г. Шаторальяуйхей.

Отважно действовал артиллерийский взвод под командой старшего сержанта Лобанцева, следовавший со своими 45-мм орудиями в боевых порядках пехоты. Он одним из первых ворвался на окраину города. Враг встретил его сильным огнем. У одного из орудий оказались перебиты лошади. Фашисты решили воспользоваться этим и попытались окружить огневой расчет, отрезать его от частей пехоты. Но артиллеристы, развернув на руках орудие, ударили почти в упор по врагу и вместе с подоспевшими пулеметчиками и автоматчиками отразили его яростный натиск.

В течение следующих нескольких часов завязали уличные бои на восточной, юго-восточной и юго-западной окраинах 496, 20 и 500-й батальоны, а 493-й и 494-й овладели станцией Шаторальяуйхей.

На восточную окраину города первым вышел взвод младшего лейтенанта Казакова из 20-го батальона. Заняв несколько домов и подтянув пулеметы, он отбил три контратаки, а затем вместе с подошедшей ротой вновь пошел вперед.

Свыше суток продолжалась упорная борьба на улицах. Каждый дом брали в ожесточенном бою. Фашисты непрерывно контратаковали, стремясь выбить советские войска из города, но успеха не имели.

Во многих случаях решающую роль сыграла взаимовыручка наших подразделений. Например, четвертая рота 500-го батальона, занявшая высоту Ключевую (510), была атакована сильным отрядом гитлеровцев. Сбив один взвод, они попытались вернуть себе высоту. Но этому помешала находившаяся недалеко третья рота. Ее командир старший лейтенант Маматенко и парторг роты Кукушкин во главе своих бойцов нанесли противнику неожиданный удар и в рукопашном бою уничтожили более 40 фашистов.

Остальные же под натиском обеих рот обратились в бегство. Высота осталась в наших руках¹.

Важная роль в овладении г. Шаторальяуйхей принадлежала действовавшей справа от нас 2-й гвардейской воздушнодесантной дивизии. Обойдя город с севера, она содействовала захвату господствующих над ним высот, с которых противник вел губительный огонь.

Потеряв и эти позиции, враг отступил на запад.

3 декабря в 20 час. 30 мин. столица нашей Родины Москва салютовала советским войскам, овладевшим г. Шаторальяуйхей, в том числе и частям нашего укрепленного района. А вскоре за участие во взятии этого города были отмечены высокими наградами 493-й и 500-й пулеметно-артиллерийские батальоны. Первый из них был удостоен ордена Богдана Хмельницкого III степени, второй — ордена Александра Невского.

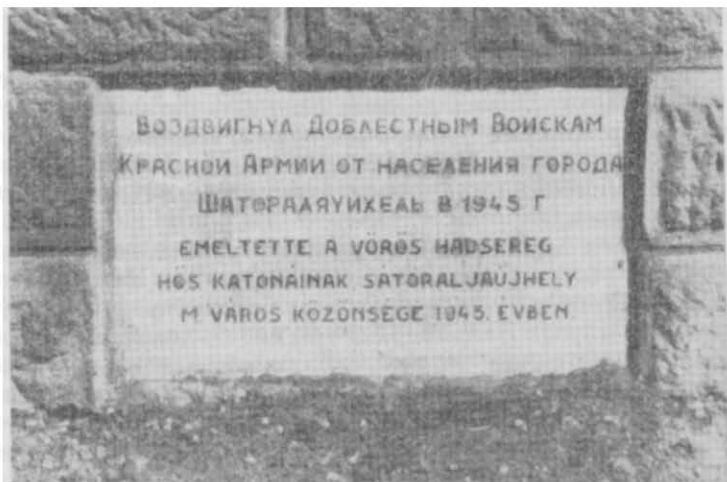
К концу уличных боев ко мне на командный пункт явилась группа граждан города во главе с новым бургомистром (прежний бежал с немцами). Они заявили, что хотят помочь Советской Армии в ликвидации гнезд диверсантов, оставленных фашистами в подвалах и на чердаках домов. По словам пришедших, там засели переодетые в гражданское платье нилашисты, получившие задание обстреливать советских солдат и офицеров и провоцировать репрессии против мирных жителей.

Делегация горожан сообщила также, что гитлеровцы хотели поручить это малопочетное дело подполковнику Ласло Шемену, который незадолго до этого был смещен с поста командира 10-го полка за то, что предлагал сдать без боя Шаторальяуйхей и тем предотвратить разрушения и жертвы среди мирного населения. Когда же он отказался от этого поручения, его арестовали и под конвоем увезли в тыл.

Новый бургомистр и его спутники подчеркнули, что подавляющее большинство жителей города, как и всей страны, видит в Советской Армии освободительницу от немецких оккупантов и их нилашистских приспешников. Антифашистские настроения в Шаторальяуйхей были настолько сильны, что командование немецких войск, наводнивших город в начале 1944 г., первым делом расширило расположенную здесь «королевскую» военную тюрьму.

В нее были брошены многие местные жители, а также тысячи доставленных сюда со всей Венгрии членов левых партий, профсоюзных активистов и тех, в ком подозревали участников Сопротивления. Этот застенок, в котором томились и венгры, и югославы, и словаки, и украинцы, и румыны, представлял собой в миниатюре хортистскую Венгрию, являвшуюся тюрьмой народов.

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1205, лл. 12—17; ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, лл. 195—230; ф. 395, оп. 9136, д. 333, лл. 47—55.

Обелиск в честь Советской Армии-освободительницы, воздвигнутый жителями г. Шаторальяуйхей в 1945 г.

В конце марта здесь разыгралась кровавая трагедия. Группе заключенных удалось обезоружить охранников и уйти в ближайšie леса. Фашисты бросили на их поимку войска. По склонам горы Шатор, где пытались скрыться беглецы, был открыт ураганный огонь из пушек, пулеметов, минометов. 11 человек во главе с Мирко Семичем были захвачены и повешены во дворе тюрьмы. Они умерли с пением «Интернационала».

Свой рассказ бургомистр закончил так:

— Венгрия отдала слишком много жизней своих сыновей коричневой чуме. Но наше терпение уже давно лопнуло. И мы просим дать возможность помочь всем, что в наших силах, вашей благородной борьбе с фашизмом.

Мои гости предложили прежде всего включить в наши подразделения по несколько горожан, которые укажут места, где скрываются нилашистские диверсанты, и помогут опознать и задержать их. Я согласился на это, так как не сомневался, что имею дело с честными патриотами.

И не ошибся. Жители Шаторальяуйхей оказали нам большую помощь в очищении города от провокаторов и диверсантов, оставленных противником при отступлении. Благодаря этому за двое суток было выявлено и захвачено 220 фашистских лазутчиков.

С 4 до 9 декабря наши батальоны занимали рубеж от западной окраины города Шаторальяуйхей до Михолян. За это время мы получили пополнение личного состава, необходимое снаряжение и боеприпасы, хорошо подготовились к дальнейшим наступа-

тельными боям. Был произведен и ремонт оружия, а солдаты и офицеры получили кратковременный отдых.

Но отдыхали далеко не все. Перед фронтом укрепленного района насчитывалось до семи пехотных батальонов и трех дивизионов артиллерии противника общей численностью до трех тысяч человек. Они имели на вооружении до 150 пулеметов, 60 орудий, 60 минометов, несколько танков и самоходных артиллерийских установок.

Занимая заранее подготовленный рубеж, хорошо оборудованный для обороны, враг не только ежедневно методически обстреливал Шаторальяуйхей, но и делал неоднократные попытки ворваться в город. Например, в течение 7 декабря он предпринял девять атак силою не менее батальона пехоты с небольшими группами танков и самоходных установок. Внезапным броском ему удалось даже захватить высоту 345, являющуюся «ключом» с запада к городу, однако он был немедленно выбит контратакой 500-го и 361-го батальонов.

В последовавшем за этими событиями боевом походе через горы Хедьалья 159-й полевой укрепленный район продолжал действовать на стыке 2-го и 4-го Украинских фронтов, прикрывая фланг 40-й армии и ее стык с 18-й армией. Используя успех правого соседа — 17-го гвардейского корпуса в его предстоящем наступлении, наши батальоны должны были продвигаться к р. Хернад.

Приказ командования 2-го Украинского фронта гласил: «В целях не дать возможности противнику создать оборону на реке Хернад, во взаимодействии с левым крылом 4-го Украинского фронта разгромить его группировку, действующую западнее Шаторальяуйхей, 40-й армии с утра 9 декабря перейти в решительное наступление. Главный удар нанести силами пяти дивизий (две из них — румынской армии) и 159-го укрепленного района в общем направлении на Сендрью (Сендре. — *И. В.*)»¹.

И вот наступил день начала нового удара по врагу.

Как и в предыдущих операциях, противник расположился по берегам рек. Раньше это были Тиса, Бодрог, а теперь Роньва, Ольшава, Хернад... Как и тогда, его оборона была обращена на юго-восток, откуда он ожидал наших атак. Но на этот раз фашисты глубоко ошиблись.

Удар был нанесен не только в лоб, по основным укреплениям врага, но и с юга, куда войска 40-й армии вышли к 12 декабря. Это вынудило противника вести бои, как говорится, с перевернутым фронтом, а вскоре и начать отход как там, так и на нашем направлении.

Войска укрепленного района, усиленные 12-м полком 8-й кавалерийской дивизии румын, 40-м армейским огнеметным баталь-

¹ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1205, л. 33.

опом и 100-м пижперным батальоном, сломли оборону противника в направлении Хопсулаз, Михоляни и повернули на северо-запад — на Палхаза, Телкибанья. Справа наступала 138-я стрелковая дивизия 18-й армии 4-го Украинского фронта, слева — 8-я кавалерийская дивизия румын.

Противник отходил с боями. 16 декабря батальоны укрепленного района вышли на линию населенных пунктов Виль, Родвань, Палхоза, Шампатаки, Кишгута. В ожесточенном бою была захвачена еще одна сильно укрепленная противником высота.

При взятии этой высоты сдались в плен 123 венгерских солдата и офицера. Это произошло при довольно любопытных обстоятельствах. Получив приказ об отходе за р. Хернад, немецкие войска двинулись туда первыми. Венгерским же частям фашистское командование приказало прикрывать отступление, сдерживая натиск наших войск. Кончилось это тем, что число пленных венгров намного увеличилось.

К исходу 17 декабря батальоны укрепленного района освободили населенные пункты Кекенд, Абауйвар, Телкибанью, а южнее, двигаясь через горный кряж, захватили высоты 520, 515, 535.

Впереди была река Хернад. Форсировать ее первым должен был шедший в авангарде наступления 491-й батальон.

Выполнению этой задачи способствовали решительность и смелость командира передового отряда коммуниста лейтенанта Никитина. Его 3-я рота стремительным броском вышла к реке и здесь захватила врасплох вражеский разъезд. У командовавшего им офицера был обнаружен секретный пакет с указанием плана и времени взрыва моста через реку Хернад у Гидашнемети.

Послав срочное донесение командиру батальона, Никитин со своей ротой кинулся к мосту и внезапной атакой овладел им. Отбивая одну за другой яростные попытки фашистов возвратить мост, рота разминировала его. Руководствуясь захваченным планом, она извлекла около 900 кг взрывчатки¹.

Одновременно наши части с помощью подразделений соседней 8-й кавалерийской дивизии румын предотвратили и уничтожение моста через реку Генци у станции Генц.

Это были последние наступательные действия 159-го укрепленного района на территории Венгрии.

С 19 по 31 декабря мы прикрывали стык 40-й армии и войск 4-го Украинского фронта, готовившихся к совместному наступлению на кошицкий укрепленный плацдарм противника на территории Чехословакии. Наша задача состояла в том, чтобы воспрепятствовать возможной попытке вражеских войск нанести на этом участке удар из района Кошице на юг, где проходили коммуникации обоих фронтов, а в дальнейшем принять участие в освобождении Чехословакии.

¹ Архив МО СССР, ф. 159 Ур, оп. 144467, д. 8, л. 265.

Новый, 1945 год я встречал все еще на территории Венгрии. В обстановке временного боевого затишья на наш командный пункт, находившийся в Гидашметети, в эту новогоднюю ночь пришли гости — местные рабочие, в основном железнодорожники. Они с радостью делились последними новостями, полученными из глубины страны: об успехах наступавших там советских войск, росте народного движения против фашистских оккупантов. Глубокое удовлетворение у венгерских трудящихся вызвала весть о создании в г. Дебрецен нового демократического правительства Венгрии, объявившего войну гитлеровской Германии.

Рабочие говорили нам, что они не пожалеют сил для участия в освобождении своей родины от немецко-фашистских и илашистских банд, в возрождении Венгрии на новой, демократической основе. Десятилетия, прошедшие с той памятной встречи, как нельзя лучше подтвердили правильность выбора, сделанного тогда венгерским народом, который ныне успешно строит социализм в своей свободной стране.

... Позади был еще один год войны, трудный и полный новых утрат, но победный. Год, когда Советская Армия свершила великий подвиг, полностью очистив родную землю от врага, восстановив нарушенную им в 1941 г. государственную границу на всем ее протяжении от Черного до Баренцева моря и начав осуществление своей освободительной миссии в отношении других народов Европы.

1945-й тоже рождался в пламени битв, в грохоте орудий и свисте пуль. Но именно ему суждено было стать последним годом войны, и предчувствием этого дышало все в мире. Уже были очищены от фашистских войск Румыния и Болгария, часть Югославии и Польши, значительная территория Венгрии.

Да, чужие звезды были над нами в эту последнюю военную новогоднюю ночь. Но они светили нам ярко и дружелюбно. Потому что Советская Армия пришла сюда не как завоевательница, а как избавительница. Потому что советские воины, не жалевшие крови и самой жизни во имя своей Родины, с такой же самоотверженностью и беззаветной отвагой сражались теперь за свободу и независимость поработанных гитлеровцами народов, за полный разгром фашизма...